

Глава 32. Гуань Инцзюнь, ты что, решил стать его папочкой?

В кабинете.

— У тебя слишком много силы, я так больше не могу, — Цзянь Жочэнь попытался высвободить запястье.

Тщетно.

Гуань Инцзюнь крепко удерживал его руку, не давая напарнику сбежать.

— Разве вчера вечером ты не говорил, что тебе не больно?

У Жочэня от боли увлажнились глаза, но он держался — мужчины не плачут! Стиснув зубы и с трудом сдерживая стон, он выдавил:

— Такие травмы всегда начинают болеть только на следующий день.

Стоящий за дверью Чэнь Цзиньцай медленно убрал руку с дверной ручки. Патрульный рядом с ним выглядел крайне смущенным. Они переглянулись в неловком молчании.

В управлении служебные романы не были редкостью — даже один старший инспектор из НКК, мастер по отлову коррупционеров, как-то прилюдно сделал предложение их суперинтенданту Линь Ячжи. Но чтобы двое мужчин в кабинете занимались... таким...

«Так быстро закончили?»

Патрульный наклонился к самому уху Цзиньцай и едва слышным шепотом спросил:

— Что делать, Сэр Чэнь? Может, вы сами разберетесь с журналистами?

— По-твоему, у меня есть на это полномочия? — так же тихо отозвался тот.

Репортеры явно пришли за Жочэнем. И если консультанта нет на месте, разбираться с ними должен его непосредственный начальник — Сэр Гуань.

Чэнь Цзиньцай громко и демонстративно откашлялся, предупреждая о своем присутствии.

— Инспектор Гуань, вы на месте? — он коротко постучал. — Есть срочное дело.

— Заходи, — донесся голос изнутри.

Цзиньцай толкнул дверь и сразу же поморщился от резкого, бьющего в нос запаха лекарственного масла. Воздух в кабинете был буквально пропитан ароматом трав. Разум инспектора на мгновение замер. Его взгляд упал на Жочэня, на руке которого красовался огромный багрово-синий кровоподтек.

— Вы что, сафлоровое масло втираете? — осенило его.

— Угу, — мрачно отозвался юноша.

Чэнь Цзиньцай почувствовал, как неловкость сменяется облегчением. И надо же было такому в голову прийти... Гуань Инцзюнь скорее на уголовном деле женится, чем пойдет на свидание.

— Внизу собралась толпа журналистов, — уже бодрее сообщил Цзиньцай.

Вошедший следом патрульный слово в слово повторил свой доклад. В кабинете воцарилась тишина. Повод для скандала был настолько глупым и в то же время по-мещански расчетливым, что Цзянь Жочэнь не выдержал и негромко рассмеялся.

«Моральный шантаж?»

Это слово идеально описывало ситуацию.

Инцзюнь нахмурился. Он тщательно вытер испачканные маслом пальцы платком и повернулся к патрульному:

— Выгоните их. Формулировка — нарушение общественного порядка и незаконное собрание.

— Но тогда... они могут написать всякое, — замялся тот.

Доверие граждан к полиции только начало расти, и руководство управления очень дорожило этой хрупкой репутацией. Лишний шум сейчас был никому не нужен. Репортеры явно работали по заказу — они только и ждали, когда их начнут выставлять силой, чтобы раздуть скандал в газетах. А когда поднимется волна возмущения, начальство наверняка надавит на Жочэня, заставив его сдать кровь ради «спокойствия общества».

В полиции дураков не держали — все прекрасно понимали, к чему идет дело. Теперь всё зависело от того, как поступит сам консультант.

Гуань Инцзюнь тяжело вздохнул. Сценарий был подлым, невежественным, но пугающе

эффективным. Жочэнь со своим слабым здоровьем просто не прошел бы по медицинским стандартам как донор.

Юноша подошел к окну и раздвинул ламели жалюзи. У входа в управление Западного Цзюлуна становилось всё теснее.

«Цзян Ханьюй, — сразу догадался он. — Похоже, мой названный братец решил сбросить маску и пойти ва-банк»

— Я спущусь и пообщаюсь с ними, — Жочэнь опустил рукав рубашки, скрывая растертую руку. — О вчерашнем говорить можно?

— Не упоминай тот бокс с едой, и всё будет в порядке, — Инцзюнь на секунду задумался.

— Я справлюсь, — Жочэнь накинул новенький пуховик и направился к выходу.

Проходя мимо Чэнь Цзиньцая, он ловким, почти неуловимым движением скользнул пальцами в его открытый карман и выудил диктофон. Покрутив его перед носом опешившего инспектора, Жочэнь улыбнулся:

— Вы ведь уже скопировали записи? Мне он сейчас пригодится.

Цзиньцай машинально похлопал себя по карману.

— А? Да, конечно. Забирай.

Инцзюнь, не находя себе места от беспокойства, подошел к окну и с мрачным видом уставился вниз.

***

Стеклянные двери управления распахнулись, и на крыльцо неспешным шагом вышел Цзянь Жочэнь. Толпа журналистов на мгновение затихла.

Никто не ожидал, что он выйдет сам. Цзян Ханьюй, давая им деньги, уверял, что Жочэнь побоится показаться на глаза прессе, и полиция просто выставит их силой. Интервью в планах не значилось.

— Брат, начинаем съемку? — прошептал один из репортеров оператору.

— Жить надоело? — огрызнулся тот. — Цзян Миншань в СИЗО ждет приговора. Забыл, кто

помог раскрыть дело об ограблении на пароме?

Общественное мнение сейчас было целиком на стороне полиции. После падения теневого магната жители Сянгана доверяли управлению Западного Цзюлуна как никогда. Вся критика была направлена на семью Цзян, и любой, кто сейчас посмел бы очернить полицию, стал бы в глазах людей предателем и «цепным псом капитала». В такое беспокойное время одна ошибка могла стоить телеканалу или газете лицензии.

Жочэнь окинул взглядом полтора десятка журналистов и мягко улыбнулся.

— Я вышел, а вы вдруг замолчали?

Юноша подошел к ближайшему оператору и аккуратно поправил его камеру, которая слегка съехала в сторону.

— Почему не снимаем? Гром есть, а дождя не будет? — лукаво поинтересовался он.

Оператор лишь неловко хмыкнул. Заказчик не платил за «дождь»...

— Цзян Ханьюй приплатил вам, чтобы вы устроили здесь цирк? Неужели за пару лет в профессии вы забыли, что в новостях главное — факты?

Консультант чуть склонил голову набок, продолжая улыбаться, но в его глазах застыл холод, который придавал его почти демонической красоте опасный оттенок.

— Вы хоть понимаете, под какую статью попадает оплаченный митинг у дверей управления полиции?

Эти слова ударили по репортерам как обухом.

— Под какую?.. — дрожащим голосом спросил самый молодой из них.

— Организация массовых беспорядков и нарушение общественного порядка. До пяти лет лишения свободы, — Жочэнь сделал приглашающий жест оператору. — Ну же, включайте камеру.

Оператор и не подумал шелохнуться. Он пришел сюда подзаработать, а не загреметь на нары. Сейчас ему больше всего хотелось упасть на колени, извиниться и швырнуть Цзян Ханьюю его деньги в лицо.

— Теперь вам страшно? — голос Жочэня стал жестче. — О чем вы думали раньше? Хотели

легких денег? Что ж, я научу вас, как их зарабатывать по-настоящему. Снимайте! — приказал он.

В итоге, под ледяным взглядом консультанта, оператор нехотя нажал кнопку записи.

Жочэнь перевел взгляд на стоящий неподалеку фургон СМИ. Команда тут же засуетилась, лихорадочно подключая кабели, боясь, что любая заминка станет поводом для ареста. Репортер с микрофоном выдавил из себя профессиональную улыбку:

— Мы находимся у входа в Отдел по расследованию особо тяжких преступлений округа Западный Цзюлун. Нам выпала удача встретить нового консультанта. Давайте зададим ему пару вопросов...

Жочэнь спокойно забрал микрофон из его рук.

— Цзян Миншань, обвиняемый по делу об ограблении на пароме, перед переводом в СИЗО заявил, что в случае оправдания передаст всё свое имущество мне в наследство, — голос юноши звучал ровно. — Более того, он утверждает, будто я — его родной сын, и я якобы заставил его признать отсутствие родства на банкете, чтобы упечь за решетку.

Журналиста бросило в жар. С самого порога — и такие откровения? Оператор почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Обычно для таких заявлений собирают пресс-конференции, а тут — всё в прямом эфире.

Жочэнь пристально посмотрел прямо в камеру:

— Подобные попытки подкупа и манипуляции — позорны. Я надеюсь, что ни частные лица, ни влиятельные силы не станут использовать деньги как инструмент давления на полицию и суд. Отдел по расследованию особо тяжких преступлений Западного Цзюлуна опирается только на факты. Справедливость и правда не продаются — даже за десятки миллиардов.

«Даже за десятки... миллиардов»

Звукооператор в фургоне почувствовал, как у него темнеет в глазах. Жочэнь буквально поджаривал репутацию суда на медленном огне общественного мнения. Теперь суд просто не посмеет вынести мягкий приговор Цзян Миншаню! Цзян Ханьюй не просто выстрелил себе в ногу — он обрушил лавину на собственного отца.

Юноша достал диктофон:

— Что касается заявления господина Цзяна о нашем «родстве»... Я оставлю это без комментариев. Однако сам Цзян Миншань прилюдно подтвердил, что я не являюсь его сыном.

Он включил запись с того вечера. Голоса звучали кристально чисто. Подделать такое было невозможно.

Запись:

«— Господин Цзян Миншань, моя мать уехала из дома и родила меня в Сянгане. Я действительно не знаю, кто мой биологический отец, но это явно не вы — мы ведь совсем не похожи. Пожалуйста, подтвердите это сейчас»

«— Господин Цзянь Жочэнь... действительно не имеет со мной кровного родства»

Жочэнь выключил диктофон и подтолкнул репортера к вопросу:

— В такой ситуации, каков ваш первый вопрос как профессионала?

— Вы... вы делали тест ДНК? — запинаясь, выдавил тот.

Жочэнь усмехнулся:

— Нет.

«Конечно, делали, — подумал он. — Цзян Миншань делал, но так не хотел признавать правду, что сжег результаты»

— Но если это необходимо для торжества истины, я не против его провести.

Юноша открыто посмотрел в объектив:

— Я слышал, что единственный сын семьи Цзян, Цзян Ханьюй, страдает редким заболеванием крови и нуждается в постоянных переливаниях. Я готов провести два теста ДНК: один — с господином Цзян Миншанем, и второй — с господином Цзян Ханьюем.

Несколько журналистов в толпе буквально осели на землю. Жочэнь виртуозно использовал их приход, чтобы опровергнуть слова Цзян Миншаня и лишить его шансов на снисхождение суда! А те, кто пришел сюда по заказу, теперь автоматически становились врагами семьи Цзян. Он заставил их выбирать сторону.

И теперь он сам заговорил о крови? И требует теста ДНК? Что он задумал? Неужели он начал вести эту игру еще тогда, на банкете, предвидя сегодняшний день?

***

Наверху, в офисе Группы А, у окон столпились оперативники из Группы С. В кабинете работал телевизор — на экране крупным планом было лицо Жочэня.

— Так вот зачем этот подлец из семьи Цзян прислал сюда журналистов! Ему самому нужна кровь!

— Что Жочэнь имеет в виду? Он что, всерьез собирается стать донором?

— Если так, то грош нам цена, если девятнадцатилетний консультант будет прикрывать нас собой.

Кто-то мельком взглянул на Гуань Инцзюня — его кулаки были сжаты так, что костяшки побелели.

С экрана телевизора юноша смотрел прямо в объектив:

— Если выяснится, что у меня нет кровного родства с Цзян Миншанем и Цзян Ханьюем, я с радостью рассмотрю вопрос о донорстве.

На его губах заиграла загадочная улыбка.

— Но если господин Цзян действительно окажется моим братом... боюсь, ему придется искать другой источник крови. Потому что, как правило, между родными братьями переливание крови не проводится. Это резко повышает риск развития «реакции трансплантат против хозяина».

***

Резиденция «Цзянтин».

Цзян Ханьюй смотрел на экран телевизора, до боли стиснув зубы. Во рту разлился металлический привкус крови.

«Как он жесток!»

Жочэнь сначала заставил прессу перейти на свою сторону, затем публично поставил под сомнение кровное родство и только потом заговорил о донорстве. Он бил в самое больное место: Ханьюй не посмеет согласиться на тройной тест ДНК! Если правда выйдет наружу, весь Сянган узнает, что он — всего лишь приемный сын.

Ханьюй швырнул книгу в телевизор. Его план с журналистами был поспешным и грубым, но он должен был сработать. Кто же знал, что консультант пойдет в такую контратаку?

Телевизор продолжал работать. Жочэнь говорил:

— Журналистам сегодня пришлось нелегко, и обсуждать одни лишь семейные дразги было бы скучно. Вчера был закрыт бар «1892» на Барной улице. Там задержали множество торговцев и потребителей наркотиков.

У Ханьюя внутри всё похолодело. «1892»? Но ведь это территория Лу Цяня!

— Этот бар — важная точка в бизнес-структуре Лу Цяня. Я не знаю, в курсе ли господин Лу о том, какой хаос там творился, или он намеренно покровительствовал наркоторговле. Думаю, вам стоит спросить его об этом лично.

Ханьюй не выдержал и без сил рухнул на диван. Жочэнь стравил их! После этих слов Лу Цянь сразу поймет, кто навел журналистов на его след.

***

Жочэнь завершил свое выступление словами, которые стали итогом всего дня:

— Мы в управлении Западного Цзюлуна не потерпим попыток использовать деньги для подрыва правосудия. Надеюсь, вы, журналисты, тоже не забудете о своем профессиональном долге.

Наверху, в офисе Группы С, оперативники взорвались аплодисментами.

— В точку! Красава!

Команда телеканала стояла как оплеванная. Сначала он поджарил суд, теперь взялся за них. Репортер, весь в холодном поту, едва слышно спросил:

— Это... это всё?

— Да, — Жочэнь кивнул. — У вас остались вопросы?

Журналист замотал головой. Нет уж, хватит. Оператор поспешно выключил камеру. Консультант с улыбкой достал красный конверт и вложил его в нагрудный карман оператора:

— Вы сегодня переволновались. Тут немного мелочи на ужин. Сегодня ваши рейтинги наверняка побьют все рекорды.

Когда юноша скрылся в дверях управления, оператор пощупал конверт и замер от

неожиданной толщины.

— Сто десять тысяч, — пересчитал он.

Он вдруг осознал: их было одиннадцать человек. Жочэнь выдал каждому по десять тысяч и обеспечил сумасшедшие просмотры. А они чуть не смешали его имя с грязью. Оператор вдруг размахнулся и вlepил себе звонкую пощечину.

— Ну и сволочь же я.

Рейтинги им были обеспечены, но отношения с Лу Цянем и семьей Цзян были испорчены окончательно. Теперь их единственным спасением была лояльность полиции.

Жочэнь поднялся на нужный этаж. Стоило ему выйти из лестничного пролета, как его окружили восторженные сотрудники Группы С.

— Это было круто! Настоящий талант!

Чэнь Цзиньцай с тревогой спросил:

— Зачем ты наобещал им такое? А если Ханьюй и вправду согласится на тест ДНК?

Гуань Инцзюнь стоял чуть поодаль, погруженный в свои мысли. У Жочэня редкая группа крови. Если на задании он получит ранение... что делать?

Жочэнь, не заметив его состояния, многозначительно ответил:

— Он не посмеет. У него кишка тонка на такое пойти.

***

Резиденция «Цзянтин».

Лу Цянь стоял в саду. Впервые он не поспешил наверх к Ханьюю. Он смотрел на розы и вспоминал день помолвки: как Гуань Инцзюнь подарил розу Жочэню.

Всего один цветок, а тот сиял так, словно получил сокровище. А потом его коллега сообщил, что этот юноша — крот в полиции. Раньше Жочэнь любил только его, а теперь он мастерски играет сразу с несколькими мужчинами.

Лу Цянь глубоко затянулся сигаретой. Раньше он считал Жочэня глупым, теперь же поражался его уму. Он просто слишком жаждал любви. Капля внимания — и он был готов на всё.

Глава семьи Лу швырнул окурок в кусты и быстрым шагом вошел в дом. Поднявшись в комнату Ханьюя, он увидел того заплаканным.

— Обидно? — тихо спросил он.

Ханьюй вздрогнул. Атмосфера была пугающей. Лу Цянь сел рядом, начал гладить его по волосам.

— Это ведь ты притащил журналистов к управлению?

Ханьюй прижался щекой к его бедру.

— Мне было так страшно... Я не хочу умирать.

— А хочешь, чтобы умер я? — Лу Цянь посмотрел на него ледяным взглядом. — Впрочем, ты ведь ничего не знаешь. В этот раз я тебя не виню. Больше не проявляй инициативу. И про кровь Жочэня забудь. С ним сейчас лучше не ссориться.

«Почему?!»

Ханьюй был на грани истерики. Лу Цянь взял его лицо в ладони, заглядывая в глаза. Он хотел поцеловать его, но в голове вдруг всплыли губы консультанта. Поцелуй не состоялся.

— Тебе не нужно ни о чем думать. Пей таблетки. Я найду донора. В мире полно людей, Жочэнь не единственный.

По спине Ханьюя пробежал мороз. Он вдруг осознал — Лу Цянь его не любит. Тот растит его как комнатную птичку. Провокация Жочэня была гениальной. Он переиграл их всех.

***

Вечер.

Триумфатор Цзянь Жочэнь закончил подписывать протоколы. И теперь его ждало официальное поощрение. Жочэнь стоял в холле, глядя на солидного мужчину средних лет, который выходил под торжественную музыку.

Мужчина подошел к нему и четко отдал честь. Жочэнь на автомате вскинул правую руку в ответном приветствии. Но едва он это сделал, как внутри всё похолодело.

«Жест был чисто материковый! В Сянгане принят британский манер — ладонью наружу, а он приложил руку ладонью вниз»

Жочэнь тут же согнул пальцы и почесал за ухом. Глядя на офицера сияющими глазами, он с восторгом произнес:

— Какая выправка! Кажется, я подсмотрел где-то не тот жест и всё перепутал.

Лэ Цзиньвэнь добродушно рассмеялся:

— Ничего, в Полицейской академии Сянгана тебя всему научат. Давай просто поздороваемся. Я — Лэ Цзиньвэнь.

— Цзянь Жочэнь.

Комиссар взял с подноса медаль и значок:

— Вообще-то, награждения в этом году уже закончились, но отдел по связям с общественностью настоял на твоей кандидатуре. Я решил лично взглянуть на ребенка, которым так восхищалась Юньчуань.

Жочэнь принял награду. По тону стало ясно — Лэ Цзиньвэнь и есть дядя Гуань Инцзюня. Жочэнь переводил взгляд с одного на другого. Говорят, племянники похожи на дядей, но тут сходства не было. Лэ Цзиньвэнь напоминал улыбающегося Будду, в то время как инспектор вечно ходил с каменным лицом.

Жочэнь разглядывал свою первую награду. Серебристая, сияющая — очень красивая. Хотя значок Гуань Инцзюня всё равно казался ему симпатичнее.

— Подними голову, тебя снимают, — напомнил комиссар.

Жочэнь смущенно улыбнулся и выпрямился для официального фото. Перед уходом комиссар достал из кармана красный конверт:

— А это — две тысячи долларов, премия.

Юноша принял подарок с искренним восторгом. Чэнь Цзиньцай не выдержал и выкрикнул из толпы:

— Да это же Первый брат! Наш Комиссар полиции, Брат Дин!

Жочэнь замер. Комиссар полиции? Его взгляд стал еще более восторженным. Он тут же шагнул к Лэ Цзиньвэню:

— Давайте еще одно фото!

Комиссар расплылся в улыбке. Он по-отечески обнял Жочэня за плечи, и они сфотографировались у статуи Гуань-гуна. Жочэнь крикнул фотографу:

— Сделай большой снимок, с меня ужин!

Лэ Цзиньвэнь снова рассмеялся. Удивительный ребенок. Умеет расположить к себе. Он пришел сюда не только из-за похвал Чэнь Юньчуань, но и потому, что узнал: племянник вернулся домой пешком, отдав куртку консультанту. Неслыханно.

Лэ Цзиньвэнь подошел к Гуань Инцзюню, наблюдая, как Жочэнь смеется в окружении коллег.

— В Бюро разведки говорят, у тебя есть доказательства причастности Лу Цяня к торговле наркотиками?

— Не у меня, — инспектор кивнул в сторону юноши. — Это он их добыл. Спустился со второго этажа по подоконникам. Хотя это не прямая улика, всего лишь контейнер для еды.

У тех парней были дробовики. Если бы Жочэня заметили... Инцзюню до сих пор становилось не по себе от одной этой мысли.

В это время Чэнь Цзиньцай начал шутливо щекотать консультанта, и тот со смехом пытался увернуться. Лэ Цзиньвэнь мельком глянул на племянника. Тот хмурился.

— Цзянь Жочэнь! — окликнул Инцзюнь.

Юноша подбежал к ним, покрасневшийся от смеха.

— Что случилось?

— Ты закончил изучать материалы по делу? — сухо спросил инспектор.

«Ну и предлог, — комиссар мысленно вздохнул. — Ты что, в папочки ему метишь?»

Дядя прикинул их разницу в возрасте. Семь лет. Немного странно, но не критично.

— Я только взгляну на контейнер и сразу засяду за бумаги, — Жочэнь потер нос.

Гуань Инцзюнь едва заметно улыбнулся:

— Криминалисты закончили анализ. Остатки веществ на обоих контейнерах идентичны.

— Отлично, — Жочэнь перевел взгляд на молчаливого Лэ Цзиньвэня.

Инспектор заметил этот восхищенный взгляд и почувствовал укол раздражения. Он сменил тему:

— Лу Цянь сейчас под ударом, он вряд ли рискнет выпускать товар в ближайшее время.

При упоминании Лу Цяня консультант мгновенно посерьезнел.

— Тогда нам стоит поспешить и найти завод, где делают эти контейнеры. Помню, на том боксе с бомбой был номер... С-803-299? Похоже на серийный код.

Инцзюнь искренне удивился:

— Ты заметил? Я думал, ты был слишком занят разминированием. На этом контейнере номер такой же.

Ему нравилось, что Жочэнь схватывает всё на лету. Юноша перехватил награду поудобнее, и Гуань Инцзюнь молча забрал её, помогая напарнику.

— И всё же, — продолжал консультант, — я уверен, что Лу Цянь скоро попытается выбросить новую партию. Ему катастрофически нужны деньги, он на пределе.

Улыбка исчезла с лица инспектора. Жочэнь понимал Лу Цяня лучше, чем профессиональный полицейский.

«Это потому, что он его любил?»

Эта мысль снова вызвала в душе Гуань Инцзюня волну недовольства. А еще он вспомнил тот жест Жочэня. Слишком четкий, слишком уверенный...

«Где он мог так научиться?»

<http://bllate.org/book/15833/1437072>